

Научная статья

УДК 314.174(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107

Структурные факторы миграции населения Дальнего Востока России

Владимир Филиппович Ефременко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

efremenko-vf@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4457-5653>

Аннотация. Миграционный отток населения, происходящий на протяжении 30 лет во всех субъектах Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока, становится устойчивым явлением, угрожающим безопасности страны на ее восточных границах. Меры, предпринимавшиеся Правительством РФ, не внесли пока существенных улучшений в миграционную ситуацию, что выдвигает в число актуальных проблему раскрытия истинной сущности наблюдаемого явления миграционного оттока населения, в том числе анализа структуры выбывающих. Как показывают проведенные нами исследования, инициативным ядром миграционного оттока являются лица, получившие высшее образование, в том числе имеющие ученые степени кандидата и доктора наук. В структуре отрицательного сальдо миграции по Дальневосточному макрорегиону их доля составляет 40 процентов, тогда как в структуре постоянного населения Дальнего Востока она вдвое меньше и не превышает 20 процентов. Миграционные потоки из лиц, состоящих из высокообразованных кадров, характеризуют переход общественного воспроизводства к его инновационному типу. Эта особенность постиндустриального этапа развития общества была отмечена еще в середине XX века. Реципиентами таких миграционных потоков, сгенерированными лицами, имеющими высшее образование и квалификацию, становятся центры науки, высокотехнологичного производства, инновационного развития. Выявленная закономерность позволяет прийти к выводу, что решение проблемы миграционного оттока населения Дальнего Востока состоит в формировании и развитии в макрорегионе агломераций, осуществляющих свое опережающее социально-экономическое развитие на основе новейших достижений науки и технологий, что создает наилучшие условия для формирования наукоемких рабочих мест, привлекательных для кадров высшей квалификации.

Ключевые слова: структурные факторы миграции, высшее образование, Дальний Восток России, инновационный тип развития

Для цитирования: Ефременко В. Ф. Структурные факторы миграции населения Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 101–107. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107>

Structural factors of migration of the population of the Russian Far East

Vladimir F. Efremenko

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia
efremenko-vf@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4457-5653>

Abstract. The migration outflow of the population, which has been occurring for 30 years in all subjects of the Russian Federation located in the Far East, is becoming a

stable phenomenon that threatens the security of the country on its eastern borders. The measures taken by the Government of the Russian Federation have not made significant improvements in the migration situation, which puts forward the urgent problem of revealing the true essence of the observed phenomenon of migration outflow of the population, including the analysis of the structure of departures. As our research shows, the initiative core of the migration outflow are persons who have received higher education, including those with PhD and doctorate degrees. In the structure of the negative balance of migration in the Far Eastern macro-region, their share is 40 percent, while in the structure of the permanent population of the Far East it is half as much and does not exceed 20 percent. Migration flows from persons consisting of highly educated personnel characterize the transition of social reproduction to its innovative type. This feature of the post-industrial stage of society's development was noted in the middle of the twentieth century. The recipients of such migration flows, generated by persons with higher education and qualifications, are the centers of science, high-tech production, innovative development. The revealed pattern allows us to conclude that the solution to the problem of migration outflow of the population of the Far East consists in the formation and development of agglomerations in the macroregion that carry out their advanced socio-economic development on the basis of the latest achievements of science and technology, which creates the best conditions for the creation of knowledge-intensive jobs attractive to highly qualified personnel.

Keywords: structural factors of migration, higher education, the Russian Far East, innovative type of development

For citation: Efremenko V. F. Structural factors of migration of the population of the Russian Far East // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 101–107. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107>

Введение

Миграционный отток населения [Мотрич, 2022] является основной причиной недостижения характеристик установленного Стратегией пространственного развития России «опережающего среднероссийские темпы социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока, и обеспечения устойчивого прироста численности постоянного населения в указанном макрорегионе»¹.

Совокупность факторов миграции, по Л. Л. Рыбаковскому, подразделяется на две группы: факторы-условия и структурные факторы [Рыбаковский, 2017. С. 52]. К первым относятся характеристики естественной (природно-климатической, географической и т. д.) и искусственной (занятость, уровень жизни и т. д.) среды жизнедеятельности человека. Ко вторым – характеристики структурных групп на-

селения, оказывающие влияние на формирование миграционных потоков.

Принятие решения о переезде предполагает наличие как минимум двух моментов: 1) ухудшение социально-экономических условий в месте проживания; 2) оценка параметров будущего места жительства, как несомненно превосходящих [Рыбаковский, 1990. С. 27].

Результаты исследования

Нами установлено, что снижение численности населения имеет очень высокую силу корреляционной связи с наблюдаемым на протяжении 30 лет сокращением численности занятых в обрабатывающих производствах, являющихся одной из основных отраслей специализации Дальневосточного макрорегиона [Ефременко, 2022. С. 82]. Снижение численности занятых в обрабатывающих отраслях детерминирует сокращение работающих в отраслях производственной (энергетика) и социальной (образование, здравоохра-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. // Консультант Плюс.

нение) инфраструктуры, что еще больше снижает показатели привлекательности среды проживания населения и становится фактором и причиной формирования отрицательных миграционных потоков.

Реципиентами мигрантов в современных условиях перехода к преимущественно инновационному типу развития становятся регионы, добившиеся высокого уровня развития инноваций и высокотехнологичных обрабатывающих производств, как это показано в [Ефременко, 2020. С. 130].

Важное значение приобретают структурные факторы миграции, к которым относятся качественные характеристики самого населения в разрезе составляющих его совокупностей, оказывающих влияние на формирование миграционных потоков: демографические (возрастно-половые); этнические (национальные); генезисные (по степени «укорененности»); профессиональные (специальность, квалификация); образователь-

ные (среднее, высшее); культурные и др.

Группы людей, объединенных по признаку пола, возраста, национальности, образования и т. д., характеризуются различной миграционной подвижностью. Особенность структурных факторов состоит в их двойственности – способности становиться факторами-условиями формирования новых миграционных потоков. Так, с одной стороны, ядро миграционных потоков формируется лицами молодого трудоспособного возраста, которым присуща высокая миграционная активность, а с другой, выделение и развитие в структуре населения какой-либо отдельной группы, у которой проявляются особенные свойства, может стать фактором-условием передвижения значительных масс населения [Рыбаковский, 2017. С. 53].

О возрастающей значимости структурных факторов формирования миграционных потоков на Дальнем Востоке можно судить по образовательной структуре мигрантов, представленной в таблице 1.

Таблица 1

Сальдо миграции лиц в возрасте 14 лет и старше, в том числе по уровню образования, человек

Территория	2010 г.			2014 г.			2018 г.		
	Всего	в том числе с образованием		Всего	в том числе с образованием		Всего	в том числе с образованием	
		высшим	из них с учеными степенями		высшим	из них с учеными степенями		высшим	из них с учеными степенями
РФ	145726	20897	187	243939	46452	272	105823	23299	193
ДФО	-24353	-9174	-43	-21253	-10753	-91	-18548	-8031	-47
Республика Саха (Якутия)	-6569	-1791	-3	-6100	-1921	-	-2501	-1620	-3
Камчатский край	-385	-646	-5	-2808	-1043	-20	-492	-1021	-8
Приморский край	-5891	-2708	-7	-3344	-2069	-20	-4046	-1595	-7
Хабаровский край	-2369	-651	-3	-1676	-2285	-19	-4520	-708	-19
Амурская область	-3208	-1253	-8	-609	-1237	7	-2983	-1305	-12
Магаданская область	-1800	-608	-6	-2066	-793	-11	-2371	-888	1
Сахалинская область	-2843	-881	-6	-2808	-686	-14	-306	-610	-
Еврейская АО	-495	-418	-4	-1561	-662	-10	-1380	-775	-
Чукотский АО	-793	-218	-1	-281	-57	-4	51	491	5

Источник: составлено автором на основе данных Росстата²

² Численность и миграция населения Российской Федерации. Стат. сб. // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

Отрицательное сальдо миграции в группах людей, имеющих высшее образование и ученые степени кандидата и доктора наук, складывается для Дальнего Востока в целом, а также для всех регионов в отдельности. В совокупности за период 2008–2019 гг. лица с высшим образованием составили около 40% в структуре отрицательного сальдо миграции населения в возрасте 14 лет и старше. В то же время в структуре населения Дальнего Востока, согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 года, в возрастной группе 15 лет и старше доля лиц с высшим образованием вдвое меньше и составляет около 20%³.

Отмеченные обстоятельства позволяют определить совокупность лиц, проживающих с субъектах Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока и имеющих высшее образование (в том числе ученые степени), как инициативное ядро миграционного оттока из макрорегиона и отнести это явление к структурным факторам миграции, которые, при наблюдаемом масштабном сокращении рабочих мест в высокотехнологичных, наукоемких видах деятельности, как это было показано выше, становятся устойчивыми

факторами-условиями, побуждающими к выезду за пределы Дальнего Востока населения, имеющего высший уровень образования и квалификации.

Устойчивый многолетний отток высокообразованных кадров может быть охарактеризован как особенное явление, отличающее миграционную ситуацию, сложившуюся на Дальнем Востоке, как противоположную общероссийской: в целом за рассматриваемый период в Российской Федерации наблюдается положительное сальдо миграции лиц в возрасте 14 лет и старше, в том числе в группах, имеющих высшее образование и ученые степени.

Для сравнения. В приведенных [Ефременко, 2020. С. 132] примерах регионов сосредоточения высокотехнологичных производств, лидеров инновационного развития, и не относящихся к столичным, наблюдается положительное миграционное сальдо в группах лиц, имеющих высшее образование, что отличает их от дальневосточных регионов, характеризующихся устойчивым механическим выбытием высокообразованного населения, как это показано на рисунке 1.

В том числе подобное положение наблюдается в группах лиц, имеющих уче-

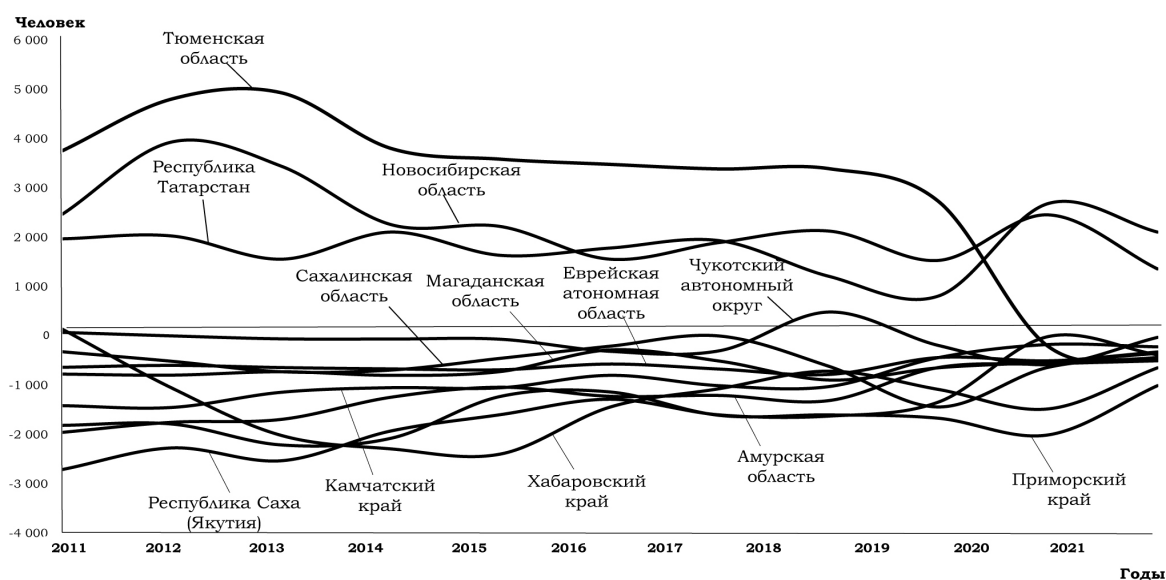

Рис. 1. Сальдо миграции лиц с высшим образованием в регионах Дальнего Востока и отдельных инновационных регионах РФ⁴

³ Всероссийская перепись населения – 2010. Стат. сб. // Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

ные степени кандидата и доктора наук. В Республике Татарстан за период 2011-2021 гг. суммарное сальдо миграции лиц, имеющих ученые степени, составило 45 человек, в Тюменской области (без АО) – 447. Тогда как во всех субъектах Российской Федерации Дальнего Востока суммарное сальдо миграции лиц, имеющих ученые степени, за рассматриваемый период – отрицательное.

В данном случае отрицательные миграционные потоки в Дальневосточном макрорегионе в значительной степени формируются людьми, получившими высшее образование в университетах Дальнего Востока, а также защитившими кандидатские и докторские диссертации, представляя научные и образовательные организации Дальнего Востока, и не нашедшими применения своим профессиональным способностям в регионе проживания, что, получая распространение в молодежной среде, может рассматриваться как проявление отмеченной А. А. Рыбаковским двойственности структурных факторов миграции, которые становятся и ее условиями.

Перманентное отставание в технологическом, инновационном развитии народного хозяйства макрорегиона не создает перспектив профессионального роста, личностной самореализации, имеющих большое значение особенно в молодежной среде [Мотрич, Березутский 2018]. Как показали результаты социологического опроса респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, проведенного в самом крупном центре высокотехнологичной обрабатывающей промышленности Дальнего Востока – Комсомольске-на-Амуре, 47,8% опрошенных собираются уехать из города. В качестве причины, побуждающей к отъезду, отсутствие возможности для самореализации отметили 49%, в том числе: личностной – 30,6%; учебно-профессиональной – 10,2%; профессиональной – 8,2%. Кроме того, на отсутствие возможностей реализации потребности в интересной и насыщенной жизни для молодежи указали 8,2%. Значимость материальных факторов сегодняшнего дня была оценена ниже, чем возможности развития: низкий уровень жизни в качестве основной причины от-

метили только 12,3% намеревающихся выехать, суровые климатические условия – 8,2% [Колосова, 2018, С. 20].

В общемировой практике принципиальные изменения в структуре мигрантов и направлениях их перемещения начали происходить в середине XX века, что, наряду с установлением доминирования «белых воротничков» над «синими воротничками» [Тоффлер, 2001, С. 27], стало важным признаком перехода к постиндустриальной (инновационной) экономике. Формирование миграционных потоков, составленных из людей, имеющих высший уровень образования и квалификации, имеет признаки закономерного явления, характеризующего возникновение и развитие инновационного типа воспроизводства. Начиная с 60-х гг. XX в. пространственную мобильность населения стали определять группы людей, не связанные с переходом от сельского хозяйства к промышленности, от доиндустриального типа хозяйства к индустриальному, а имеющих, как отмечает Э. Тоффлер, «хотя бы год высшего образования..., специалистов, промышленных рабочих и менеджеров... Тысячи европейских ученых, инженеров и техников перебираются в Соединенные Штаты и Канаду, наиболее супериндустриальные страны» [Тоффлер, 2001, С. 95]. Одновременно и внутри США происходит внутренняя межрегиональная миграция – в движение пришли тысячи научных работников и инженеров, формируя два больших, отлично просматриваемых потока, направленных к развивающимся центрам науки, инноваций, высокотехнологичного производства, в качестве которых Э. Тоффлер называет первым Калифорнию и другие Тихоокеанские штаты, а вторым – Чикаго, Кембридж, Принстон и Лонг-Айленд. Также новый, встречный поток несет специалистов высшей квалификации к предприятиям космической и электронной промышленности во Флориде [Тоффлер, 2001, С. 95].

Отмеченные тенденции в формировании миграционных потоков между странами и регионами внутри стран продолжают до настоящего времени и принимают новые формы, которые связаны с развитием научно-технического прогресс-

са и не только с ростом доли высокообразованных специалистов в миграционном обороте, но и трансформации самих процессов механического движения кадров высшей квалификации.

Конкурентная борьба за специалистов приводит к появлению новых, организованных форм их перемещения – «модифицировался организационный уровень миграции, базисом которого стало возникновение устойчивой тенденции адресного поиска специалистов странами-реципиентами; произошла интеграция системы высшего образования, в результате которой унифицированы требования работодателей к качеству рабочей силы, что «размывает» национальные профессиональные барьеры и придает дополнительный импульс перетоку претендентов на рабочие места» [Сидоров, 2012, С. 261].

Как результат стимулирования привлечения кадров, имеющих специальную подготовку, растет число высокопрофессиональных мигрантов в мировых центрах инноваций – в начале 2000-х гг. в Силиконовой долине работали более 2-х миллионов иностранных специалистов (ученых, программистов, инженеров и т. д.), которые стали основателями примерно четверти стартапов в области биотехнологий [Дусь, 2005. С. 61]. Ощущая острую нехватку специалистов, развитые

страны прибегают к расширению иммиграционных квот для приема профессионалов и другим инструментам привлечения высокообразованных специалистов.

Выводы

Выявленное нами и отмеченное выше направление миграционных потоков, состоящих из лиц, имеющих высшее образование, в том числе имеющих ученые степени кандидата и доктора наук, к центрам научно-технологического и инновационного развития России имеет закономерную природу и характерно для всех стран, осуществивших переход к инновационному типу общественного воспроизводства.

В результате решение проблемы миграционного оттока населения из всех субъектов Российской Федерации, расположенных на Дальнем Востоке, требует разработки и проведения мероприятий по переходу Дальневосточного макрорегиона к инновационному типу общественного воспроизводства. В качестве модели опережающего социально-экономического развития могут стать регионы Российской Федерации, ставшие лидерами в технологическом предпринимательстве, инновационной деятельности, что позволило им стать миграционно привлекательными территориями для лиц высокого уровня квалификации и, в итоге, реципиентами миграционных потоков в целом.

Список источников:

1. Березутский Ю. В. Социальная активность молодежи региона: социологический анализ: монография. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2019. 174 с.
2. Ефременко В. Ф., Бахарев С. М., Габунов В. В. Оценка влияния изменения структуры занятости на численность постоянного населения Дальнего Востока России // *Власть и управление на Востоке России*. 2022. № 2. С. 73–86.
3. Ефременко В. Ф. Постиндустриальные факторы развития Дальнего Востока России // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. 2020. № 9. С. 114–137.
4. Дусь Ю. П., Разумов В. И. Учет роли фактора миграции в прогнозе инновационного развития России // *Инновации*. 2005. № 8. С. 60–62.
5. Колосова Я. Ю. Факторы миграции молодежи (на материале г. Комсомольска-на-Амуре) // *Амурский научный вестник*. 2018. № 4. С. 18–22.
6. Мотрич Е. А. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18. № 1. С. 27–40.
7. Мотрич Е. А., Березутский Ю. В. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России: проблемы и социальные последствия // *Социальная политика и социология*. 2018. Т. 17. № 2 (127). С. 141–150.
8. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 560 с.

9. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 138 с.
10. Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. № 2. С. 51–61.
11. Сидоров В. А. Фактор миграции в современных мирохозяйственных связях // Теория и практика общественного развития. 2012. №4. С. 260–262.

References

1. Berezutsky Yu. V. (2019) Sotsial'naya aktivnost' molodezhi regiona: sotsiologicheskii analiz [Social activity of the youth of the region: sociological analysis]: monograph. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – branch of the RANEPА: 174 p.
2. Efremenko V. F., Bakharev S. M., Gabunov V. V. (2022) Evaluation of the impact of changes in the structure of employment on the number of permanent population of the Far East of Russia *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. №2: 73–86.
3. Efremenko V. F. (2020) Post-industrial factors in the development of the Russian Far East *Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal EKO* [All-Russian Economic Journal ECO]. No. 9: 114–137.
4. Dus Yu. P., Razumov V. I. (2005) Taking into account the role of the migration factor in the forecast of Russia's innovative development *Innovatsii* [Innovations]. No. 8: 60–62.
5. Kolosova Ya. Yu. (2018) Factors of youth migration (on the material of the city of Komsomolsk-on-Amur) *Amurskiy nauchnyy vestnik* [Amur Scientific Bulletin]. No. 4: 18–22.
6. Motrich E. L. (2022) Migration in the demographic development of the Russian Far East *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of regions of Russia]. Vol. 18. No. 1: 27–40.
7. Motrich E. L., Berezutsky Yu. V. (2018) Migration in the demographic development of the Russian Far East: problems and social consequences // Social policy and sociology. Vol. 17. No. 2: 141–150.
8. Toffler E. (2001) *Shok budushchego* [Future shock]: Per. from English. Moscow: AST Publishing House LLC: 560.
9. Rybakovsky L. L. (1990) *Naseleniye Dal'nego Vostoka za 150 let* [Population of the Far East for 150 years]. M.: Nauka: 138.
10. Rybakovsky L. L. (2017) Factors and causes of population migration, the mechanism of their relationship *Narodonaseleniye* [Population]. No. 2: 51–61.
11. Sidorov V. A. (2012) Migration factor in modern world economic relations *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 4: 260–262.

Статья поступила в редакцию 16.08.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 06.09.2022.

The article was submitted 16.08.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 06.09.2022.

Информация об авторе

В. Ф. Ефременко – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал

Information about the author

V. F. Efremenko – Candidate of Economics, Associate Professor the chair of management and state administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА